

Лора Радзиевская

ЭТО
ПРОСТО
ЦИРК
КАКОЙ-ТО!

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6
Р15

Серия «Люди, которые всегда со мной»

Иллюстрация на обложке: *Александр Заварин*

В оформлении книги использованы
иллюстрации *Дарьи Копанс*

Радзиевская, Лора

Р15 Это просто цирк какой-то! / Лора Радзиевская. —
Москва: Издательство АСТ, 2017. — 351 с. — (Люди,
которые всегда со мной).

ISBN 978-5-17-104047-5

Эта книга — о пути. О том, что в нашей жизни происходят вещи, которые невозможно объяснить языком логики и науки. О том, как непросто стать человеком, и о том, как важны те, кто рядом с тобой.

Эта книга — о любви, которая и есть смысл и основа всего.

Эта книга — о цирковых. Об акробатах, жокеях, фокусниках, воздушных гимнастах и эквилибристах, о том, что происходит по ту сторону форганга, о том, как живут люди манежа.

Эта книга — о жизни в цирке и о цирке в жизни.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6

© Лора Радзиевская, текст, 2017
© Дарья Копанс, иллюстрации, 2017
© Александр Заварин, обложка, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

Посвящается памяти моей мамы —
Дины Афанасьевны Лоскутовой.

Без тебя не было бы ничего

Благодарю моего мужа Ивана — ты дал мне
возможность написать эту книгу.

Признательна Юрию Васильеву —
ты когда-то подал мне идею этой книги.

Помню и люблю каждого, кто поддерживал
меня, убеждал, что все получится,
и терпеливо ждал.
Спасибо вам.

1

АНДРЕ (САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ ВЫХОД ПЕРСОНАЖА)

То, что безвозвратно изменило мою жизнь, случилось в гардеробе. Прямо внутри обычного гардероба, большого, трехдверного — такие стояли в прошлом веке во многих домах. У нас он царствовал в спальне и был глубокого коричневого цвета, слегка шершавый на ощупь, как будто лакировали его вручную, при помощи широких кистей. Я любила прислоняться щекой к деревянному боку (да-да, никаких ДСП и ДВП, никакого пластика, только натуральное дерево) и водить пальцем по невидимым выпуклостям лака — шкаф почему-то был теплым. И всегда был закрыт на ключ.

Постойте, я сейчас сказала: «В прошлом веке»? Понимаю, звучит ужасно, но это действительно было в начале семидесятых прошлого века, в небольшом южном городе, который в советских газетах называли «столицей степной Украины», но на самом деле он был урановой Голкондой Советского Союза. Там волей случая и Госбезопасности

оказалась моя бабушка, москвичка в десятом поколении, туда же приехала после войны мама, туда же привезли меня, годовалую, родившуюся в совсем уж южном городе у моря.

Однажды мне повезло: бабуля забыла вынуть ключик из замочной скважины. Став постарше, я узнала, что на одной из полок гардероба, под белоснежными стопками крахмального белья хранился весь семейный бюджет: свою пенсию и деньги, которые присылала мама, бабуля прятала под хрустящие от крахмала пододеяльники и простыни, наивно запирая дверцу малюсеньким ключиком, будто несерьезный замок мог стать препятствием, случись в доме какие-нибудь ненормальные вору. Какой уважающий себя вор полезет в квартиру, где живут пенсионерка-бабушка и ребенок? В квартиру, где окна в теплое время года круглосуточно, легкомысленно и провокационно (первый этаж) открыты? Чтобы что там украсть? Книги? Хотя в то время книги были огромным дефицитом, а наша библиотека подбиралась к двум тысячам томов, я не могу представить себе вора, рискнувшего схлопотать срок ради Анн и Сержа Голон, например. Или даже ради полных собраний Джека Лондона и Дрюона.

Обычно, уходя по делам, бабуля доставала из книжного шкафа том «Мира животных» Игоря Акимушкина или какую-нибудь другую книгу потолще. Это был мой личный книжный шкаф, который регулярно пополнялся присылаемыми в тяжелых фанерных ящиках сокровищами: разноцветными томами «Сказок народов мира», Детской энциклопедии или новыми книгами Крапивина. То, чего было не купить в нашем городе, мама добывала на складах и базах Москвы, Ленингра-

да и Киева. А роскошное издание «Книги джунглей» прилетело самолетом из немыслимо далекого Магадана, где в магазинах, судя по письмам мамы, был настоящий книжный рай.

Обычно книга гарантировала, что я спокойно посижу в старом кресле несколько часов, но сейчас я видела ключ, он был досягаем, только протяни руку. И какие книги, книги не убегут же, а когда еще представится шанс увидеть Буку?

Я мечтала об этой встрече уже полгода — с того вечера, когда моя добрая и ласковая бабуля, доведенная до белого каления бесплодными попытками уложить внучку спать, неосторожно сказала:

— Ласточка, даю тебе пятнадцать минут. И если в девять ты еще не будешь в кровати, мне придется позвать Буку. Это крайняя мера, но ты меня вынуждаешь. Бука живет за дверью, спрятанной в нашем гардеробе, и очень не любит непослушных девочек. Тебе нужны эти неприятности, ласточка?

Впечатление было внезапным. Я моментально затихла, залезла в кровать, обняла плюшевого верблюдика Яшку и принялась мечтать о Буке. Мне исполнилось пять, я давно и много читала, а самой любимой в тот момент была коричневая книжка с нарисованной на обложке кованой дверцей — «Приключения Буратино», — так что я точно знала, какая именно дверь скрывается в нашем шкафу. У дома Буки просто не могло быть другой двери... Сам Бука виделся мне чем-то средним между небольшим добрым драконом и огромной лохматой белой собакой с темными глазами. Разве такое чудесное существо могло представлять опасность для не очень послушной девочки пяти лет, которая не согласна укладываться спать в девять

вечера? Да никогда. Надо было только дожждаться подходящего для знакомства с ним случая.

И вот случай представился. Бабуля подкрасила губы, поправила густые, все еще очень черные кудри, взяла хозяйственную сумку и ушла. Через минуту я уже стояла перед шкафом, предвкушая встречу с добрым волшебным Букой, живущим за тайной дверью. Поднялась на цыпочки, зажмурилась, повернула ключик, досчитала до пяти и распахнула обе дверцы, повторяя про себя давно придуманную приветственную речь...

Внутри открылось пространство, показавшееся мне огромным. Из окна, напротив которого стоял гардероб, прямо в его нутро бил солнечный луч. Мне все прекрасно было видно: коробки с обувью, чинно стоящие у левой стенки, бабушкина шуба, мамины пиджаки и пальто, какие-то скучные юбки, а еще — круглые разноцветные коробки, легкие, пахнущие почему-то корицей, с чем-то шуршащим внутри (потом выяснилось, что в коробках хранились мамины итальянские шляпы), — и ни одного Буки. И никакой двери. Хотя она, скорее всего, спрятана вон там, где висит что-то очень яркое и длинное. Я сделала несколько шагов вправо и увидела сияющие платья дивной красоты: серебро и золото, разноцветные камни и блески, бисер и необыкновенные ажурные кружева, струящиеся и легкие. Платья были совсем не такие, как те, что я видела на женщинах из нашего дома и двора. Да что там, таких платьев не было даже у огромной, как дипломат (и с такой же маленькой головкой), тети Юли, которая прожила с важным очкастым мужем-майором в «самой ГДР» аж пять лет! А еще от платьев исходил тонкий аромат. Они пахли мамиными духами, горько-

ватыми и очень нежными... Я сделала еще шажок, вошла в шкаф и присела у стенки.

И тут открылась невидимая дверца, и появился мой Бука.

С четырех до шести моих лет, пока мама не перестала гастролировать, я очень ждала ее приездов. Она прилетала на недельку, веселая, нагруженная яркими пакетами с подарками,— и начинался праздник. Но в какой-то из вечеров мама уходила в гости к заждавшимся подругам, а я садилась на широченный подоконник в большой комнате и тарасилась во двор: ждала, что она вот-вот появится. Уговоры бабули из серии «мама ведь только ушла, долго ждать, иди лучше диафильмы посмотри или почитай» игнорировались напрочь — я ждала, я не могла оставить наблюдательный пункт. И почему-то каждый раз придумывала себе горькое сиротство. Спустя час после ухода мамы я была уверена, что она НИКОГДА уже не вернется, потому что с ней что-то случилось. Чаще всего воображение рисовало машину, вылетающую на огромной скорости из-за угла, и я начинала рыдать обреченно и беззвучно, до нервной икоты. Время растягивалось тоскливой серой лентой, спустя целую вечность раздавался стук каблучков в арке двора, и — счастье! В комнату врывалось облако горького и нежного аромата, и мама снимала зареванную меня, прилиплю к окну, с подоконника. Те четыре-пять часов, что она отсутствовала, бабуля даже не пыталась меня оттуда добыть, ибо обычно покладистая крошка растопыривалась молчаливым осьминогом и цеплялась за все, включая воздух...

И сейчас, сидя в шкафу, вдыхая любимый мамин запах, я снова вспомнила, что ее нет, что она на гастролях и приедет только через два месяца. Вздохнула, уткнулась лицом в подол серебристо-голубого, с камнями и блестками платья. Бука улыбнулся и легонько встряхнул память, старательно прятая чудесные воспоминания об утраченном, о том времени, когда мама возила меня с собой. Платье упало с тремпеля¹ прямо к моим ногам, а за ним второе, черно-золотое, короткое и ажурное, и солнечные лучи брызнули во все стороны, отразившись от шитья и камней костюма с красивой длинной накидкой, в котором мама работала номер. Следом за платьями откуда-то из гардеробного поднебесья неслышно спланировало невесомое облачко персиково-розового цвета и легло мне на плечо. Оно было теплое и душистое — легчайшая жилетка из пуха настоящих фламинго. И в этот миг я совершенно отчетливо вспомнила цирк. Вспомнила все сразу, до мельчайших подробностей.

Я вспомнила лилипута Боря, который умел убедить маму в том, что ребенку для нормального развития нужны внешние впечатления, а не только замкнутый цирковой мирок, и поэтому он немедленно забирает меня и ведет на прогулку. Мы бродили с ним по веселому городу, в котором гастролировал коллектив, пили газировку с сиропом (мне Боря покупал с двойным малиновым) из стеклянных больших конусов-колб, ее наливала румяная тетенька, сидящая в голубенькой палатке, по три копейки за стакан. Палатка стояла около

---

¹ *Тремпель* — то, что сейчас называют плечиками или вешалкой.

памятника странному дядьке в веночке и длинном платье, а звали дядьку почему-то так же, как нашего циркового слона — Дюк. С маленьким человеком было весело и легко, и не приходилось задирать голову, потому что Боря был чуть выше меня, еще даже не четырехлетней. И он иногда покупал мне целых два мороженых.

Еще в том городе было море, и по понедельникам, когда в цирке выходной, артисты большой компанией ходили купаться, а меня всю дорогу к морю по очереди несли на плечах. На пляже цирковые обязательно разыгрывали маленькое акробатическое представление с кульбитами и стойками на руках, со шпагатами и сальто, а веселые загорелые продавцы кукурузы и чудесной крошечной, прозрачной от жира рыбки по имени сайка восхищенно цокали языками, ставили перед нами ведра с горячими початками и клали куски газеты с горками крупной соли: «Та берите, берите, не надо грошей! То ж за дарма цирк же ж настоящий!» Взрослые смеялись, играли в преферанс и пили вино, а меня усаживали в вырытый в теплом песке «бассейн», который быстро наполнялся водой. Она была соленая и немножко пахла йодом, я ее слизывала с ладошки — это был вкус счастья.

Потом уже мама рассказывала, что именно в этом городе я, оказывается, родилась: довольно поздние роды обещали быть непростыми, и мамочка специально поехала рожать в другой город, в роддом, где главврачом служила ее давняя знакомая, известный во время войны полевой хирург, вернувшаяся в мирное время к довоенной специальности акушера-гинеколога.

Может быть, потому я, родившаяся у моря, так люблю Большую воду всю жизнь и мечтаю на закате, так сказать, дней оказаться там, «в глухой провинции»? Провинцию мечты, кстати, я увидела на самых первых гастролях, но об этом позже.

Каждый день, пока мама гримировалась перед выходом на манеж, я сидела рядом в персональном высоком креслице и, затаив дыхание, разглядывала роскошные коробочки с разноцветным гримом, блестящую пудру и чудесные накладные ресницы. Мне казалось, красивее очень яркого циркового грима ничего на свете быть не может, и я мечтала все это немедленно намазать и наклеить на себя. Но, увы, по малости лет не могла самостоятельно взобраться на креслице, чтоб дотянуться до гримерного столика и возжеленных коробочек. Несколько раз пробовала, но кресло неизменно валилось с грохотом. Да и мама почти все время была рядом, кроме тех минут, что длился ее номер «Гимнасты на першах¹ и лестницах». Но и тут меня не оставляли в гримерке одну: я сидела на руках у кого-нибудь из артистов, стоявших за кулисами, и смотрела из-за форганга², как мама взлетает вверх по першу, как становится в стойку на руках на высоте примерно третьего этажа, слушала аплодисменты зала... Для меня все сливалось в яркую волну звука и цвета, которая несла с собой необъяснимую радость и восторг, — и я хлопала в ладоши вместе с публикой.

---

¹ *Перш* (фр. perche — шест) — цирковой снаряд длиной до 10 метров для гимнастических трюков.

² *Форганг* — очень плотный занавес, отделяющий манеж от внутренних помещений цирка, часто бархатный.

Однажды маму вызвал дядя Костя Коротков, директор цирка (надо же, я всю жизнь помню фамилии и имена людей из моего циркового детства), и она неосмотрительно оставила меня с альбомом и цветными карандашами в гримерной одну: «Посиди пять минут, доня, я сейчас вернусь, а пока позову тетю Таю, она побудет с тобой». «Отлично, — подумала доня, — надо идти, пока не появилась Тая, я все успею». И рванула из гримерки по давно присмотренному маршруту туда, куда строго-настрого запрещалось ходить: к зверям. Меня не заметили, время было самое удачное — вечер понедельника, у артистов выходной, на конюшне и в зверинце сумрачно и тихо, только с легким топотом переступают в денниках лошади и шумно фыркает слон. Но мне нужно было дальше, за конюшню и слоновник, меня кое-кто ждал.

...Я помню атласный бок настолько глубокого шоколадного цвета, что он казался черным. Протиснувшись между прутьями, я обняла большое и теплое, разглядывала шерсть с расстояния в десять сантиметров и отчетливо видела еще более темные красивые пятна на шелковой шкуре. Шерстинки лезли в рот, и я вытирала губы платочком с вышитой в уголке ромашкой. Под блестящей шерстью громко тукало что-то очень сильное: «Ток-тук, ток-тук», — и моя голова поднималась и опускалась в такт мерному дыханию зверя. Янтарные глаза спокойно смотрели на меня, потом закрылись, и я услышала мощное «гrrrrуммм»...

Нас разбудили шум и яркий свет, чьи-то сильные руки оторвали меня от Катьки и вытащили из клетки. Впервые в жизни я весомо огребла по

заднице, мама плакала и одновременно целовала мое лицо, и пахло от нее чем-то лекарственным.

Только через десять лет она рассказала мне, как прибежала в кабинет директора испуганная наездница Тая, как они вдвоем метались по большому пустому зданию цирка, как примчавшийся на мамыны крики цирковой люд обшаривал зрительный зал, столовую, площадку оркестра, гримерки, которые никогда не запирались. Как артисты опрашивали людей на улице возле цирка, хотя пожилая дежурная в фойе клялась, что светловолосая девочка в желтом платье не выходила из здания, как дрессировщик и наездники переполошили слонов в слоновнике и лошадей на конюшне, заглядывая во все углы. И как десятки рук мигом перевернули сено, лежащее за денниками, и как иллюзионист открывал один за другим все свои волшебные сундуки. И как кто-то выдохнул: «Мы не смотрели у хищников», — и все побежали к двери в зверинец и увидели, что она открыта.

Катька была совсем молодой пантерой (точнее — леопардом, темноокрашенный меланист, так их называют), почти ребенком. Выросла она в цирке, была дружелюбна со всеми и готовилась через пару месяцев влиться в большой аттракцион. Но все равно, обыскав все клетки и разбудив дремавших после обеда зверей, в секцию молодняка вошли только дрессировщик Егор с крюком для подачи мяса хищникам, мама и опытный служащий зверинца с пистолетом. Весь поисковый отряд остался шепотом вопить за дверью.

— Ты на ней расположилась, как в кресле. И спокойно спала. А у меня на какие-то секунды зрение